

Эту книгу трудно рецензировать: она слишком информативна, в ней слишком много фактов, мнений, имен, гипотез, утверждений. Хорошая литература — как мир, который можно (и нужно) изучать средствами естественных наук. Два тома книги «Метафизика Петербурга» — это хорошая научно-популярная литература. Это целый мир, который хочется читать и перечитывать. Мир, который создал Дмитрий Леонидович Спивак.

Это очень оригинальная книга, в чем есть и свои преимущества, и свои минусы. С одной стороны — интереснее. С другой — не всякий дочитает до конца. Типичный «научный бестселлер», — увлекательно, но заведомо для узкого круга.

Авторская позиция прослеживается решительно во всем — начиная с названия. Строго говоря, метафизика — это учение о «мире в целом», об универсуме. Если физика — учение о материальном мире, то метафизика — это в буквальном переводе «над-физика», учение о строении Космоса, о его главных сущностных чертах и о ступенях его иерархии.

Название и содержание книги и имеет, и не имеет отношения к этому определению. Метафизика для автора — скорее некое полутайное знание о мире, лишь частично осмысливаемое средствами позитивной науки.

Впрочем, иногда у Дмитрия Леонидовича получается и еще «круче» — метафизика постигается разве что эзотерическим путем. Во всяком случае, к эзотерике автор относится с почтением, про-

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Д. Л. СПИВАКА «МЕТАФИЗИКА ПЕТЕРБУРГА. НАЧАЛА ОСНОВАНИЯ» (СПБ.: АЛЕТЕЙЯ, 2003)

А. М. Буровский

сто неприличным для крупного и по заслугам известного ученого.

Но все же в наибольшей степени метафизика осмысливается как некое то ли традиционное, то ли эзотерическое знание, которое в принципе может осмысливаться и рациональными средствами, но пока не признано и может быть лишь со временем признано научной, — как в случае с «ley lines».

«Лей-лайнз» — это что-то вроде «меридиана», соединяющего узловые точки организма. Но в китайской медицине «меридиан» — это линия, проходящая по человеческому телу, а «лей-лайнз» проходит по телу Земли.

«На настоящий момент для выделения такой линии в пределах Англии считается достаточным иметь не менее пяти древних монументов на расстоянии не более 10 английских миль (около 16 километров) ее протяженности. Историки долгое время смотрели на эти «игры дилетантов» с изрядной иронией. Но после того, как энтузиастам действительно удалось разыскать несколько прочно забытых памятников древней культуры, руководствуясь своими схемами, положение изменилось» (с. 170).

Так же примерно и с метафизикой — невозможно объяснить на строгом научном уровне, почему структура Стокгольма так напоминает структуру Петербурга, а дворцово-парковый комплекс Ульриксдал в Якобсдале так напоминает задуманный на полвека позже Петергоф (с. 222]. Но тем не менее такого рода совпадения существуют, и вряд ли они случайны.

Автор предполагает, что существует «метафизика Петербурга», под которой он понимает «его замкнутую семиосферу, осуществляющую трансперсональные преобразования» (с. 8). То есть оказавшись в этой семиосфере — сфере смыс-

лов, — человеческая личность присоединяется к некому надличностному знанию, коллективно накопленным в этой местности смыслам.

В этом месте представления Д. Л. Спивака соединяют учение о семиосфере Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, У. Эко и других с «находящейся на подъеме парадигмой трансперсонализма».

Каждая из культур, когда-либо существовавшая на месте будущего Петербурга, оставила свой след — и в сознании тех, кто пришел позже, и в самой местности. Финский, шведский, немецкий «следы» представлены урочищами, зданиями, дворцово-парковыми комплексами, храмами и каналами. Прослеживается даже греческий след — хотя греки никогда не осваивали территорию будущего Петербурга. Но «греческа вера», православие, тоже представлена крупными сооружениями Петербурга. Автор показывает, что храмовое зодчество Петербурга XIX века очень тесно перекликается с греческими образцами.

Получается, что «существование Петербурга вовсе не положило предел влиянию древних культур, пришедших на берега Невы задолго до основания великого города. Напротив, есть все основания полагать, что они смогли перейти за эту грань и влились в метафизику Петербурга, будучи, в свою очередь, перестроены по ее новым, самостоятельным законам» (с. 469).

И тут же сильная аналогия из естественных наук: «У почвы нашего края есть одно странное свойство: в ней скрыто бесчисленное множество древних валунов и камней. Неспешно передвигаясь под действием почвенных вод, они рано или поздно выходят на поверхность... Сказанное относится и к духовной почве Петербурга. Как чисто ее не выметают новые влас-

ти, как старательно не засевают духовные пастыри — она продолжает дышать по своим законам, снова и снова выталкивая из своих таинственных недр на поверхность осколки поразительно архаичных монолитов» (с. 469).

Все так, но необходимы три поправки.

Во-первых, выходящие на поверхность культурные «монолиты» вовсе не все архаичны. Даже финский пласт включает взаимоотношения Петербурга 1960–1980-х годов с городами и с населением Эстонской ССР, — а они были какими угодно, только не архаичными. В сравнении с эстонцами и тем более финнами этой эпохи скорее петербуржцы могли показаться «архаичными».

Во-вторых, не столь уж таинственны и непостижимы эти «выходы на поверхность». Представления о невероятной таинственности Петербурга, о нарушении в нем законов природы и законов человеческого общежития прочно входят в своеобразный «петербургский миф», о котором я подробно пишу в своем исследовании (Буровский А. М. Петербург как географический феномен. СПб., 2003. С. 199–214). Мне пришлось даже ввести в книгу главы «Чудеса петербургского климата» (с. 205) и «Упоение картинами потолка» (с. 209).

Этому мифу о чрезвычайном и таинственном городе отдает дань петербуржец Д. Л. Спивак. Неудивительно, но отметить и возразить — необходимо.

В-третьих (и это главное), Д. Л. Спивак рассматривает вовсе не только метафизику Петербурга. Фактически он исследует метафизику всего Северо-Запада Руси. Его книга последовательно разделена на три части: «Финская почва», «Шведские корни», «Греческая вера».

Конечно же, совершенно невозможно говорить о финской почве и ничего не сказать о финских племенах, об Эстонии, Карельском перешейке и Суоми — Финляндии. Тем более невозможно не упомянуть финский компонент в Новгороде, «пригородных финнов» в XIX веке, благодаря которым посещение Карельского перешейка или жизнь там на даче окрашива-

лась в «финские» тона, а «Рождество имело для жителя Петербурга финскую окраску, так же как и Масленица с традиционным катанием на финских извозчиках — «вейках» (с. 113).

На этом фоне не очень удивляет некая «финская» составляющая в творчестве петербургских ученых и писателей. Скорее странно, если бы такой составляющей не было. Другой вопрос, что эти «финские» мотивы всегда были встроены в петербургский текст русской культуры и приводили к ответам, необходимым для русского общества. «Взглянув через призму “финляндской” интуиции на творчество трех виднейших символистов (имеются в виду А. Блок, А. Белый и В. Брюсов. — А. Б.), мы увидели, как она приводила их к разным, но всегда существенным прозрениям о сущности и духе Петербурга» (с. 109).

Как только заходит речь о «Шведских корнях», метафизика Петербурга окончательно становится главным образом «общей метафизикой всего русского Северо-Запада».

Впрочем, автор напрасно отождествляет варягов IX–XII веков и шведов XIII–XX веков. Это народы весьма разные — в такой же степени, как рось — русь времен Рюрика и Хельги-Олега, и современные русские. Влияние этих двух родственных, но все же разных народов на Русь Д. Л. Спивак доказывает последовательно и убедительно, но будем же их различать.

Варяжское влияние на русский Северо-Запад доказано давно и бесспорно, вопрос только о масштабах и о характере этого влияния. Д. Л. Спивак хорошо показывает, что речь идет даже не о каком-то внешнем «влиянии» — а о том, что варяги были одним из народов, участвовавших в создании первой столицы Руси — Старой Ладогой*, Ладоги — Альдейгьюборга, и Новгорода, одним из народов, который объединила многонациональная империя — Киевская Русь.

Мало кому известно, что уже в XI — начале XII века существовало Ладожское ярлство, «варяжское княжество под киевским протекторатом»; ярлство «безусловно во-

ходило в состав Киевской Руси, и было населено в основном русскими и чудью» (с. 180), но управлялось ярлом Рёнгвальдом. Позже один из сыновей Рёнгвальда, Стейнкиль, уехал в Швецию, и стал там основателем новой династии конунгов. Двое же его братьев остались в Ладоге и правили ею долго и счастливо.

Интересно, что знакомство с русскими делами весьма помогло Стейнкилю в Швеции. Когда епископ Адальвард хотел сровнять с землей языческое святилище в Упсале, конунг Стейнкиль воспротивился, опасаясь волнений в народе и массовых возвращений в язычество, «как это показали недавние события в земле славян». Дмитрий Леонидович полагает, что конунг имел в виду события истории западных прибалтийских славян. Со своей стороны предполагаю — он вполне мог иметь в виду и события в Киеве 988 года, при князе Владимире Красное Солнышко.

Очень интересны и предположения Дмитрия Леонидовича о том, что Ладожское ярлство вполне могло бы стать чем-то вроде государственных образований викингов в других странах Европы: герцогства Нормандия во Франции или норманнского королевства в Сицилии. «Ни по размерам, ни по уровню развития Ладога им не уступила бы, да и обосновались здесь варяги весьма прочно» (с. 181).

По Спиваку, Ладожское ярлство не состоялось из-за неудачной конкуренции с возвысившимся в XII веке Новгородом — второй столицей Рюрика на русской земле. Варяжское поселение Рюриково городище, Готский конец и Гаральдов вымол (то есть причал) в Новгороде заставляют считать варяжское присутствие на Новгородской Руси весьма прочным.

Вероятность «собираания Руси» Новгородом или продолжения самостоятельной истории Новгорода как независимого государства после XV века как будто не имеют прямого отношения к варягам. Если бы «Новгород мог бы отстаивать свою независимость и в дальнейшем развивался бы как буферное государство между Западной Европой и Московской Русью»

* Правильнее было бы вести речь не о Старой Ладоге, а о Ладоге, поскольку Ладога стала называться «Старой» с 1704 г. — с момента основания в устье Волхова г. Новая Ладога. — *Ред.*

(с. 203), он развивался бы вовсе не как очередное норманнское государство. Но сохранились бы «традиционные связи с балтийскими партнерами (в первую очередь Ганзой и Швецией), а в языке, который формировался бы в Новгороде, «бросалось бы в глаза обилие латинизмов и германизмов, равно как прямых заимствований из шведского» (с. 204).

Варяжский период в истории Руси короток — с начала — середины IX века до 911 года. Но и он отозвался своими «валунами», время от времени выходившими на поверхность русской почвы: в 1611 году московские бояре подписали с Яковом Делагарди договор о приглашении на русский (московский) престол шведского королевича Филиппа. Московские бояре при этом прямо заявляли, что Юриковичи были «варяжского рода», как и приглашаемый королевич. То есть для них речь шла о «втором призвании варягов».

Очень важно, что метафизические «валуны» варяжского периода выходили на поверхность не одной русской почвы. Мысль о том, что Новгород мог бы существовать в виде отдельного независимого государства, приходила и приходит в голову не одним русским. На рубеже XVI и XVII веков Яков Понтуссон Делагарди вынашивал планы создания «Новгородского королевства» — по статусу буферного между Россией и Швецией, по династии — шведско-русского. Конкретно на трон этого королевства предполагалось посадить либо королевича Карла—Филиппа, либо самого Густава—Адольфа. Для этого... Яков Делагарди занял северо-запад Руси и сам Новгород, склонил местную элиту к своему плану и даже устроил поездку новгородских бояр в Стокгольм» (с. 219). «Этот план был реалистичным и вполне мог изменить судьбу северо-западных земель», — считает Дмитрий Леонидович.

Мы же отметим, что варяжские метафизические «валуны» выплывали в истории не раз, спустя сотни лет после «призвания варягов», как в Швеции, так и на Руси.

О чрезвычайно тесных связях Руси Петербургского периода и исторической Швеции XVIII—XX веков писать можно много. Достаточно уже вспомнить непосредственных предшественников Петербурга, основанные на его месте шведские города Ландскрону* и Ниеншанц** с их поразительными семантическими аллюзиями с Петербургом.

Стоит упомянуть еще и «русских шведов», у которых в самой Швеции было особое название: *russlandsvenskar*. Интересно, что у немцев всегда было слово, обозначающее всех вообще немцев, живших вне собственно немецких земель, «фатерлянда», — *volksdeutschen*. Но никакого особого слова для обозначения именно русских немцев не было. Видимо, связи шведов с Россией осознавались в Швеции острее, чем связи немцев с Россией в Германии.

У книги много очень приятных сторон — в том числе и то, что автор говорит не только о метафизике Петербурга и Руси в целом, но и о метафизике сопредельных стран. Очень часть историю России подают как историю «их» воздействий на «нас», а «нам» при этом отводится роль пассивных объектов внешних воздействий. Дмитрий Леонидович красиво и убедительно показывает, что и «мы» влияли и воздействовали на «них», что метафизика русского Северо-Запада в целом и Петербурга в частности властно присутствует и в Финляндии, и в Швеции.

Знание языков, личные наблюдения, общение со шведскими друзьями очень помогают автору показать связи такого рода: «...будучи в центре Гельсингфорса, нам нужно только повернуть по направлению к возведенному в 1910 году Национальному музею на проспекте Маннергейма, чтобы уже издали заметить все те же знакомые петербургские приметы — грубооколотый гранит, деформированные проемы, стилизованный растительный орнамент, медведей — и мудрых лесных птиц» (с. 112).

Или вот поразительный сюжет: когда в Швеции к концу Северной

войны развелось много волков (как в итоге почти всякой войны), прошел слух — это русские превратили в волков павших шведских солдат. Вот они и жмутся к шведским жилищам, пришли по души своих жен и детей. Под шкурой каждого такого волка находится рубашка, и якобы некая шведская баба узнала на мертвом волке рубашку, которую вышивала для мужа.

Не могу удержаться еще от того, чтобы не вспомнить старую русскую легенду начала XVIII века о том, что «настоящий Петр в «Стекольне» (то есть в Стокгольме) «закладен в столб», а вместо него правит на Руси злой немецкий подменьш. Сам способ избавления от «настоящего Петра» — «закладен в столб» — не может не вызывать удивления. Почему не отравлен? Не брошен в подземелье? Не сослан на дальние острова? Не заколот?

«Закладена в столб» была после смерти колдунья Ингрид Юльва, мать знаменитого ярла Биргера, основателя Стокгольма и Ландскроны (того самого, разбитого Александром Невским в 1240 году). Колдунья неосторожно предсказала сыну, что пока она стоит — потомки ее удерживаются на шведском троне. После смерти Ингрид ее знаменитый сын заложил ее тело в стоячем положении в столбе церкви Бьелбу. Легенда — XIII века. Всплыла на Руси в начале XVIII века. Получается — метафизика Швеции была хорошо известна на Руси на протяжении веков. Тут уж вообще непонятно, чья же это легенда, чей сюжет, и в истории какой страны он проявился с большей силой.

С точки зрения Д. Л. Спивака, все культуры, предшествовавшие Петербургу, «своевременно включены в метафизику города, существенно обогатили ее состав и растворились в ней почти без остатка» (с. 476). Петербургская цивилизация «уже настолько богата, что в ней есть свои архаика и античность. Собственные “темные века” и возрождение». Коль скоро так — то «довольно оглядываться по сторонам. Пора ограничить свой кругозор низкими набережны-

* Ландскрона была шведской крепостью, а не городом. Уничтожена союзническими войсками русских, карелов и «язычников» в 1301 г. — *Ред.*

** Ниеншанц — шведская крепость, строительство которой началось весной 1611 г. Захвачена 1 мая 1703 г. войсками под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева при личном высочайшем участии Петра I. Город Ниен, находившийся напротив Ниеншанца — на противоположном берегу Охты, иногда тоже именовался Ниеншанцем. — *Ред.*

ми Невы и Обводного, замкнуть слух голосами собственных поэтов и мыслителей — и наконец, осознать себя полноправными наследниками влиятельной локальной цивилизации» (с. 477).

Этот вывод — единственное, с чем действительно хочется спорить. Очень прошу Вас, Дмитрий Леонидович, не ограничивайте своего кругозора даже самыми замечательными набережными! Предки поступали иначе — они впитывали все, что может дать остальной мир, несли в Петербург достижения многих земель и народов. Что и сделало Петербург тем, чем

он является. Печально сложится дальнейшая судьба великого города, если он замкнется сам на себя, и станет только своим собственным наследником.

Впрочем, можно еще долго пересказывать, цитировать и толковать книгу Д. Л. Спивака, но только стоит ли? Это великолепно написанная и в высшей степени своевременная книга. В конце рецензии полагается критиковать... Но не согласиться в книге Спивака (кроме призыва к культурному изоляционизму) можно только с какими-то частностями, вроде того же отказа различать варяжский и

шведский периоды, да с нечетким определением того, что же такое метафизика. Это, право же, такие мелочи, что к ним не хочется и привлекать внимания. Мало сказать, что достоинства книги во много раз превосходят ее недостатки; правильнее сказать, что недостатки просто незаметны на фоне ее достоинств.

Остается только горячо рекомендовать читателю самому прочитать книгу Д. Л. Спивака «Метафизика Петербурга. Начала и основания». А самое лучшее, что я могу посоветовать, — приобрести эту книгу.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «РЕЛИГИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АТЛАС».

Учебное пособие для средних школ Санкт-Петербурга
по предмету «История города».

Под редакцией В. В. Аржанухина (СПб.: Союз, 2002)

В. Е. Семенков

Уже отмечено, что при разговоре о современных религиях все больше оперируют не только глобальными понятиями («страна», «государство», «континент»), но понятиями, так или иначе связанными с локальностью¹. Наверное можно сказать, что современные религии чувствительны к локальному контексту, и вследствие этого все актуальнее изучать феномены локальной/региональной религиозности.

Работа сотрудников Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена «Религии Санкт-Петербурга. Историко-культурный атлас» ориентирована как раз на изучение локальной религиозности в историческом аспекте. Авторы пособия рассматривают историю традиционных религий как органичную часть истории города. Выбор традиционных религий (православие, католичество, лютеранство, ислам, иудаизм, буддизм) был обусловлен именно истори-

ческим ракурсом изложения материала, поэтому ход изложения материала осуществляется от прошлого к настоящему, причем прошлому этих религий уделено больше внимания, чем их современному положению. Против этого возразить нечего. Гораздо важнее уяснить логику отбора материала. В предисловии к изданию отмечено, что «религиозные группы вносили огромный вклад в развитие гражданской общины Санкт-Петербурга»². Эта точка зрения, очевидно, была исходной для отбора авторами всего материала и логики его изложения. Если авторы осознают значение религиозных групп в том, чтобы способствовать развитию гражданской общины города, то и история религиозной жизни Санкт-Петербурга рассматривается ими как история религиозных общин. Иначе говоря, авторы пособия показали всю историю религий Санкт-Петербурга как историю этих общин с учетом городского контекста. При таком

подходе они логично изложили историю становления общин, динамику их численности, охарактеризовали фигуры лидеров, взаимоотношения с органами государственной власти. Поэтому вся история общин, рассматриваемых конфессий обозначена авторами как история их становления и развития (в период империи) и история репрессий и медленного восстановления (в советский и постсоветский периоды).

На выборе концептуальной схемы изложения материала хотелось бы остановиться подробнее. Взгляд на историю религий как на историю религиозных общин логично было бы дополнить и историей самих религиозных практик. Потребность в такого рода информации особенно видна в разделе «Православие» (авторы — профессор В. В. Аржанухин и священник Владимир Федоров). Авторы этого раздела, рассматривая период империи, сконцентрировали внимание на наиболее значимых храмах